

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры», т. I, М.—Л., 1955, 445 стр., тираж 2500 экз., цена 31 р. 10к.

Рецензируемый сборник содержит 14 статей, написанных 12 авторами. Большая часть статей посвящена характеристике памятников искусства, найденных при раскопках античных городов Северного Причерноморья и их некрополей. При этом авторы стремятся выделить наряду с чисто греческими чертами искусства и местные особенности, «стараясь показать те специфические стилистические особенности, которые присущи искусству только античных городов Северного Причерноморья» (стр. 3). Статьи сборника не равноценны по своей научной значимости, различны по тематике и по широте охватываемого в них материала.

Сборник начинается статьей С. А. Жебелева «Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья», написанной еще в тридцатых годах, где дается очень краткая и общая характеристика источников. Статья несколько дополнена редакцией сборника сведениями об археологических раскопках античных городов Северного Причерноморья в период после Великой Отечественной войны.

Второй по порядку, но основной по содержанию статьей сборника является работа В. Ф. Гайдукевича «История античных городов Северного Причерноморья». Эта статья представляет собой краткий очерк истории, экономики и политического устройства античных городов Северного Причерноморья. Она содержит несколько самостоятельных частей: 1) «Греческая колонизация Северного Причерноморья», 2) «Ольвия», 3) «Херсонес», 4) «Боспор». В первой части излагаются причины колонизации и история основания колоний на северных берегах Черного моря. Во второй части дается краткая характеристика колонизации Буго-Днепровского лимана, а затем излагаются история и политическое устройство Ольвии, ее экономическое положение, связи с соседними племенами, обрисовываются основные итоги археологических раскопок, приводятся данные эпиграфики. В третьей и четвертой частях сжато, но достаточно полно и ясно даны основные линии экономического и политического развития двух других античных государств Северного Причерноморья: Херсонеса и Боспора. Автор ярко обрисовывает различные линии развития этих трех центров греческой культуры на протяжении всего длительного периода их существования как античных государств.

Некоторые утверждения автора вызывают возражения. Так, например, неверен вывод, что благосостояние Боспора, его экономика были подорваны в результате сокращения или прекращения внешней торговли (стр. 146). Из текста статьи следует, что упадок многих населенных пунктов Боспора во второй половине III в. н. э. объясняется подрывом торговли на Черном море (стр. 146 и прим. 1). Возможно, мы здесь имеем дело с нечеткостью изложения мысли автора, так как археологические раскопки прямо свидетельствуют о гибели многих поселений во второй половине III в. в результате нападения врагов. Поселения погибли в огне. Неожиданность набегов подтверждается состоянием находок в погибших помещениях. Орудия труда, занасы пищи, вещи, украшения, деньги, если они не были спрятаны в виде кладов, остались на месте и погибли в пожаре. Поселения не постепенно захирели, а погибли в результате

нападения врагов, и только в хорошо укрепленных городах могло укрыться население. Поэтому нужно обратить внимание читателя не на походы «на Малую Азию и даже на Грецию», как это делает автор (стр. 146), а на нападения готов и других племен Северного Причерноморья на Боспорское царство. Вряд ли правильно назвать греческие города «торгово-промышленными» (стр. 32), лучше назвать их «торгово-ремесленными» центрами. Понятен особый интерес автора к винодельням Боспора, открытым им в большом количестве при раскопках Мирмекия и Тиритаки. Все же вряд ли можно признать целесообразным в кратко написанном очерке дважды — для периодов III—II вв. до н. э. и I—III вв. н. э. — излагать процесс производства вина из давленного винограда (стр. 106—132).

К статье В. Ф. Гайдукевича примыкает статья А. Н. Зографа «Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья». Эта, сама по себе очень интересная, статья в настоящее время после опубликования большого труда автора «Античные монеты» (МИА, вып. 16), кратким изложением которого она является, потеряла свою первоначальную свежесть.

Три перечисленные выше статьи составляют как бы первую часть сборника, в которой рассматриваются главным образом вопросы экономики античных городов. Вторая часть сборника посвящена, в основном, вопросам истории искусства. Вводной статьей к этой части сборника является интересный очерк Т. Н. Книпович «Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху». К сожалению, правильная мысль Т. Н. Книпович о том, что если в VI—IV вв. до н. э. в искусстве городов Северного Причерноморья чувствуются два основных течения — греческое и местное, то уже с III в. до н. э. все больше проявляется и развивается специфическое местное искусство причерноморских городов (стр. 179), не получила достаточного развития ни в ее собственной статье, ни в других статьях, помещенных в сборнике. Т. Н. Книпович несколько искусственно отделяет греческое влияние на искусство северопричерноморских городов от их внутреннего развития. Греческая струя не была простым подражанием искусству греческих городов Средиземноморья, она являлась результатом внутреннего социально-экономического развития причерноморских городов. Автор не ставит в своем очерке проблемы развития эллинистического искусства в городах Северного Причерноморья, не подчеркивает его отличия от эллинистического искусства других частей эллинистического мира. Непропорционально мало внимания уделила Т. Н. Книпович искусству первых веков нашей эры.

В последующих статьях сборника рассматриваются отдельные стороны искусства городов Северного Причерноморья. Вызывает некоторое недоумение наличие двух самостоятельных очерков: «Архитектура городов Северного Причерноморья» и «Дома античных городов Северного Причерноморья». Из-за того, что архитектура и планировка домов оказались выделенными из первого очерка, его ценность сильно снизилась, а кроме того не удалось избежать повторений. В очерке «Архитектура» А. Н. Карасев дает краткую характеристику строительных материалов, приемов кладок, архитектурных ордеров, отделки зданий, описывает архитектуру храмов, общественных зданий, погребальных сооружений. Несмотря на популярный характер статьи, ее язык изобилует специальными архитектурными терминами и не всегда понятен для неспециалиста. Основным положением автора является мысль о том, что греки перенесли в Северное Причерноморье из метрополии свои строительные приемы, привезли своих архитекторов, каменотесов, плотников и т. д. Автор вместе с тем пытается показать, что архитектура городов Северного Причерноморья отставала от архитектуры метрополий и наблюдался консерватизм в обработке деталей зданий (стр. 198). Что касается заключения о том, что «зодчество Северного Причерноморья в каждом из его городов имеет свои локальные особенности», вызванные «как природными условиями, так и культурным влиянием местных племен Северного Причерноморья...» (стр. 214), то оно остается голословным. В тексте статьи об этих локальных особенностях ничего не говорится. Даже отмечая своеобразный строительный прием применения слоевых субструкций в Ольвии в эллинистический период, автор не характеризует их как локальную особенность (стр. 193).

Некоторые положения автора, основывающиеся на данных старых раскопок, опровергаются новыми материалами. Так, например, неверно, что оседлые земледельческие племена, жившие в районе греческих колоний, не знали каменного строительства (стр. 188). В настоящее время известен ряд поселений эпохи, предшествующей греческой колонизации, где сохранились каменные кладки (Широкая балка близ Ольвии, Сазоновка и Киммерик на Керченском полуострове). Описанные в статье приемы кладок далеко не исчерпывают всего разнообразия строительного дела античных городов Северного Причерноморья. Кладка дома, существовавшего с конца VI и по начало IV в. до н. э., открытого на восточном склоне горы Опук в 1950 г.¹, отличается от описанных автором кладок этого же времени (стр. 190 и рис. 1—3). Стены помещений этого дома были каменные, двухпанцирные, с бутом посредине, сложены из необработанных камней, умело подобранных по форме и лежащих на своих плоских, наиболее устойчивых сторонах. Щели между камнями заполнены землей, иногда с мелкими камешками. Кладка докола архаического дома, открытого в Пантикапее в 1949 г., сделана из рваного камня средней величины и поставленных на ребро плит²; она тоже отличалась от описанных автором. По-видимому, уже в ранний период существования греческих колоний в Северном Причерноморье бытовали различные строительные приемы и наряду с приемами, принесенными греками из метрополии, существовали и местные, ведущие начало еще с эпохи поздней бронзы.

В статье почти не охарактеризованы особенности каменных кладок первых веков нашей эры. Говорится лишь об «огрублении каменной кладки» (стр. 193). Между тем очень интересны распространенные в это время приемы подтески скал, сочетание подтесок скал, выступающих над поверхностью земли, с каменной кладкой при возведении стен, встречающееся при раскопках Киммерика³, Илурата и Пантикапея. Автор обходит молчанием и вопрос о так называемых «циклопических» кладках, встречающихся на поселениях Боспора III в. н. э. (Илурат, Пантикапей). Автор совсем не касается планировки античных городов Северного Причерноморья, хотя этот вопрос является существенным для характеристики их архитектуры. Применение террасной планировки в Пантикапее в VI—III вв. до н. э.⁴, правильной, так называемой «гипподамовой» планировки Ольвии еще с конца VI в. до н. э. характеризует высокий уровень градостроительства в античных городах Северного Причерноморья и тесным образом связано с их архитектурным обликом.

В разделе «Отделка зданий» (стр. 197) А. Н. Карасев говорит о мозаичных вымостках, о штукатурке, о карнизах, крышах и т. д., но ни словом не упоминает об облицовочных плитах, как простых керамических, так и из цветного мрамора, находимых в большом количестве при раскопках Пантикапея и, по-видимому, применявшихся при облицовке стен богатых зданий и храмов. Совсем непонятно, в какой связи приведено сообщение о наличии святилища Деметры в Нимфее (стр. 201). Об его архитектуре не говорится ни слова. Вместе с тем о пантикапейском храме, изображение которого имеется на монетах, не упоминается совсем, так же как ничего не сказано о находках при раскопках Пантикапея в 1948 г. архитектурных деталей храма и плиты с надписью Аспурга. Преобладание ионийского ордера в ранние периоды существования городов Северного Причерноморья автор объясняет тем, что «строгие формы дорийского ордера, его конструктивная лаконичность были понятны в метрополии... Здесь же в окружении местного населения суровая простота дорийского ордера должна была

¹ Сб. «История и археология Боспора», Крымиздат, 1952, т. I, стр. 62 сл.; КСИИМК, вып. LI (1953), стр. 138.

² В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 219.

³ И. Б. Зеест, Раскопки Киммерика в 1947—48 гг., ВДИ, 1949, № 3, стр. 97; И. Т. Кругликова, Раскопки Киммерика, КСИИМК, вып. LI, стр. 132.

⁴ В. Д. Блаватский, Античная культура в Северном Причерноморье, КСИИМК, вып. XXV (1950), стр. 37; он же, Террасы Пантикапея, КСИИМК, вып. XXI (1947), стр. 93 сл.

казаться официальной». Ионийский же ордер, более роскошный, с богатой гаммой ярких красок «более импонировал вкусам местного населения» (стр. 194). Остается совершенно не понятным, почему же в эллинистический период, когда количество местного населения в городах значительно возросло, началось «широкое применение дорийского ордера» (стр. 194). Разве греки, строившие в городах Северного Причерноморья храмы своим богам, должны были приспосабливаться ко вкусам окружавшего эти города местного населения? И наоборот, когда количество местного населения в городах возросло и его вкусы начали оказывать заметное влияние на все виды художественных ремесел, в архитектуре это влияние уменьшилось? В статье не показано, имеются ли какие-либо отличительные черты в архитектурном оформлении малых городов Боспора или оно тождественно для всех античных городов Северного Причерноморья. Плохо выделен поздний период и особенности архитектуры городов римского времени. Не привлечен богатый материал раскопок Илурата.

Для того, чтобы получить сколько-нибудь ясное представление об архитектуре античных городов Северного Причерноморья, необходимо наряду со статьей А. Н. Карасева прочесть и следующую за ней статью Е. И. Леви и А. Н. Карасева «Дома античных городов Северного Причерноморья», которая посвящена характеристике жилых построек в городах, их планировке и архитектурному оформлению. Раздел, посвященный постройкам римского времени, выгодно отличается от предшествующей статьи, в этой части данная статья как бы дополняет предыдущую. Удачно выделены и некоторые характерные особенности домостроительства Северного Причерноморья.

Вместе с тем, как указывалось выше, эта статья во многом повторяет предыдущую, иногда даже приводятся идентичные фотографии (например, стр. 191, рис. 3 и стр. 219, рис. 3). В статье не учтены известия о каменном строительстве догреческой эпохи. Не всегда понятен принцип подбора примеров, приводимых авторами. Если в их задачу входило изучение домов только греческих городов, то почему привлечены постройки, открытые на сельском поселении у Широкой балки (стр. 217)? Если же они должны были дать очерк домового строительства в античных государствах Северного Причерноморья, то почему ни слова не говорится об открытом на Семибратнем городище жилом доме III в. до н. э.¹ или о жилом доме конца VI — начала IV в. до н. э. в районе Киммерика?² Аргументация авторов не всегда удачна. Так, например, тезис о наличии в Ольвии эллинистического времени двухэтажных домов подтверждается рассказом Луккиана Самосатского, жившего во II в. н. э.

Статья Е. В. Ернштедт «Монументальная живопись Северного Причерноморья» представляет собой ясно изложенный, довольно краткий обзор памятников живописи, известных по изданию М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись», причем серо-черные иллюстрации, большей частью переснятые с этого издания, дают лишь очень отдаленное представление о красочных памятниках, которые упоминаются в статье. Автора статьи можно упрекнуть в излишне краткой характеристике склепов, связываемых с культом Диониса Сабазия (стр. 282). Было бы очень желательным при публикации работы автора, погибшего в период Великой Отечественной войны, расширить ее за счет исследования вновь открытых памятников (стенной живописи склепов Неаполя Скифского, облицовочных плит цветного мрамора из Пантикапея).

А. П. Иванова в статье «О некоторых особенностях боспорской живописи», анализируя роспись склена 1891 г., склена Деметры, Стасовского склепа, расписного саркофага и некоторых других памятников, приходит к выводу, что в I—III вв. н. э. в боспорской живописи сложился своеобразный местный стиль, отличающийся от греческого искусства большей условностью, абстрактностью и иератичностью, особенно в трактовке образа человека (стр. 296). Несмотря на сюжеты религиозного содержания, связанные с загробным миром и греческой мифологией, в живописи наблюдается тенденция «этнографического реализма» (стр. 287). Статья эта перекликается со статьей

¹ Н. В. А н ф и м о в, Новые данные к истории азиатского Боспора, СА, VII, стр. 259, рис. 1; о н ж е, Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 44.

² Сб. «История и археология Боспора», т. I, Крымиздат, 1952, стр. 62, рис. 2.

Е. В. Ериштедт и как бы ее дополняет. Трудно согласиться с определениями автором изображений людей как портретных, особенно, когда мы имеем дело с примитивно исполненными рисунками типа группы воинов в главной нише Стасовского склепа (стр. 293) или фигуры на каменном саркофаге 1900 г. (стр. 293) и др. В статье встречаются досадные опечатки (стр. 286 вместо «последние века до н. э.» напечатано «последние века н. э.») и стилистические погрешности (на стр. 294 на восьми строчках четыре раза встречается слово «большой»).

Статья М. И. Максимовой и М. А. Наливкиной «Скульптура» посвящена характеристике наиболее выдающихся из найденных в Северном Причерноморье статуй и рельефов, которые подразделяются авторами на привозные и сделанные на месте. Привозная греческая и римская скульптура, по мнению авторов, поступала в Северное Причерноморье в течение всего периода существования колоний (стр. 298). Авторы останавливаются «лишь на наиболее совершенных образцах» привозной скульптуры (стр. 308) — вероятно, поэтому эта часть статьи представляет как бы сведения вместе опубликованных ранее памятников, почти без попыток пополнения списка вновь открытыми скульптурами. Так, например, осталась даже неупомянутой мраморная голова богиня, вероятно, Афродиты, найденная в Пантикапее в 1949 г.¹ Большее внимание уделяется авторами произведениям местных мастеров. Среди них наиболее значительное место занимают надгробные памятники. Авторы показывают изменения формы стел с V в. до н. э. по III в. н. э., особенности художественных приемов местных мастеров и местного художественного стиля, складывавшегося в городах Северного Причерноморья постепенно, под влиянием этнической среды и общественно-экономических условий. Дается характеристика и местной круглой скульптуры, на производство которой заметно влияли как греческие, так и местные скифские образцы. Авторы выделяют особенности скульптурных мастерских Боспора и Херсонеса. Выявить особенности стиля скульптурных мастерских Ольвии не удается ввиду недостатка материала.

Вопросам художественной обработки металла посвящена статья Е. О. Прушевской. Автор раздельно рассматривает металлические изделия, найденные на территории Ольвии, Боспора и Херсонеса, и выделяет импортные вещи и продукцию местных мастерских. Автор считает, что в Ольвии металлообрабатывающие мастерские были созданы на базе скифских (стр. 329), вследствие чего выделялись вещи скифские, и по назначению и по типам. Художественный подъем в металлообрабатывающем производстве характерен для VI—V вв. до н. э., к концу III в. до н. э. наблюдается обеднение художественных форм (стр. 331—332). В течение IV в. до н. э. производятся преимущественно предметы чисто утилитарного назначения (стр. 332). В послегетский период на ювелирных изделиях заметно кельтское и сарматское влияния (стр. 333).

Для обработки металла на Боспоре до периода Спартокидов характерны, по мнению автора, тесные связи с Востоком и незначительная роль греческого влияния (стр. 334). Наивысший подъем обработки драгоценных металлов приходится на конец V и IV век до н. э. (стр. 337). Со II—I вв. до н. э. ювелирное искусство Боспора испытывает сильное влияние сарматских племен, совпадающее со временем проникновения восточных элементов в греческое ювелирное искусство (стр. 346). Получают распространение инкрустационный и полихромный стили. Другим был путь развития ювелирного производства Херсонеса. Там нет ранних вещей местного производства (стр. 351), в эллинистический период выпускаются очень простые золотые изделия, и лишь с первых веков нашей эры ювелирная мастерская организуется в более значительных размерах, причем характерным для Херсонеса является отсутствие сарматского влияния.

В этой интересной статье вызывает недоумение противоречивая трактовка вопросов, связанных с местным населением Северного Причерноморья. Так, например, автор на стр. 329 пишет: «Постановка дела обработки металлов в Ольвии после основания ее греками в высшей степени примечательна...», а из всего последующего текста

¹ В. Д. Б л а в а т с к и й, Раскопки Пантикапея, КСИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 224, рис. 74,2.

вытекает, что греки не внесли ничего нового ни в организацию мастерских, ни в технику производства, греческие мастера работали в старой скифской технике. Создается впечатление, что греки, по мнению автора, не основали Ольвию, а поселились в существовавшем ранее городе, имевшем уже металлургические мастерские. При характеристике боспорского производства Е. О. Прушевская подчеркивает разнородный этнический состав населения Боспора уже в эпоху греческой колонизации (стр. 333), а ниже пишет: «При пристальном исследовании устанавливается, что здесь (на Боспоре времени начала греческой колонизации. — И. К.) сильна струя художественного стиля местных племен, т. е. скифского искусства, но не менее сильна также струя искусства иранского» (стр. 336). Автор здесь все местные племена называет скифскими, забывая о синдских и местных племенах, населявших азиатскую часть Боспора. При этом, в отличие от М. И. Ростовцева, отождествлявшего скифское и иранское влияния, автор их разделяет, не считая скифов иранскими племенами.

В очерке «Художественная керамика в городах Северного Причерноморья» Т. Н. Книпович дает характеристику расписной и рельефной керамики, как привезенной в Северное Причерноморье, так и сделанной на месте. Давая обзор привозной группы сосудов, Т. Н. Книпович одновременно очень кратко характеризует общую линию развития греческой художественной керамики и локальные особенности орнамента сосудов в различных центрах их производства. Автор показывает, как преобладавший в VII и первой половине VI в. до н. э. ввоз в Северное Причерноморье керамики ионийских центров постепенно уступает место импорту из Аттики, а «затем восстанавливается прежнее положение, с преимущественным притоком художественных изделий и художественных направлений из восточногреческих областей» (стр. 372). В первые века нашей эры наряду с импортом из восточногреческих центров (главным образом Самоса и Пергама) начинают привозить и итальянскую керамику (стр. 373). Что касается местного производства художественной керамики, то в VI—IV вв. до н. э. преобладающее большинство причерноморских расписных сосудов «представляет близкое подражание ионийской керамике» (стр. 376). Вся местная художественная продукция III—II вв. до н. э. также восходит к античным образцам. Для первых же веков нашей эры характерно распространение чисто местных приемов орнаментации.

В этой интересной статье досадна некоторая нечеткость композиции той ее части, которая посвящена местной керамике. Автор здесь отвлекается от принципа, которого он придерживался при построении первой части, а именно от анализа только групп художественной керамики.

Во второй части описываются все группы сосудов местного производства, правда все время с оговорками, что не они в данной статье представляют для автора интерес. Только группа полихромной керамики дана более или менее полно. Местному же производству рельефной керамики уделено совсем мало внимания, тогда как интересно было бы выделить привозные «мегарские чаши» и сделанные на месте, тем более, что автору известны формы для изготовления этих чаш, найденные в городах Северного Причерноморья (стр. 389). Совсем не касается автор обширной группы светильников с рельефными плитками, в большом количестве производившихся в первые века нашей эры в Пантикапее и других городах, а также фигурных светильников. Вторая часть статьи значительно хуже иллюстрирована, что особенно обидно в связи с тем, что вопросы местного производства художественной керамики гораздо меньше разработаны в нашей литературе и представляют особенно большой интерес. Местная керамика первых веков нашей эры описывается слишком бегло, почти не затронут вопрос о сосудах с оттиснутыми изображениями. Приводится лишь один пример эпохой с головой силена (рис. 18), тогда как в Северном Причерноморье сосуды с оттисками гемм были распространены в различные периоды.

В статье Е. Г. Кастаная «Художественные элементы в лепной керамике Боспора» дается характеристика лепной орнаментированной керамики, встречающейся при раскопках боспорских городов, главным образом из Тиритаки, Мирмекия и Илурата, и являющейся, как пишет автор, «производством местного населения Боспорского царства» (стр. 392).

Надо особо остановиться на термине «местный», как его понимает не только Е. Г. Касанаян, но и авторы многих других статей данного сборника. Потомки греческих колонистов, в течение нескольких столетий из поколения в поколение жившие в боспорских городах, почему-то не считаются местными жителями, и даже культуру первых веков нашей эры, развивавшуюся в боспорских городах в течение шести предшествующих веков, не называют «местной». Между тем сарматские племена, пришедшие откуда-то с востока и проникшие в число жителей боспорских городов только на рубеже нашей эры, называются «местным населением», а их влияние на керамическое производство определяется как «местное», так же как и их лепные сосуды. В результате возникает несколько примитивный подход к классификации изделий: местным называется только то, что сделано похуже, поглубже. Не пытаюсь выделить местную боспорскую культуру, многие авторы называют местной лишь культуру окружавших Боспор племен. При современном размахе археологических раскопок и накоплении материала уже пора хотя бы попытаться расчленить эту абстрактную «местную» культуру, под которой авторы понимают «варварскую», на скифскую, меотскую, сарматскую, таврскую, сянскую и т. д. и выделить местную античную боспорскую культуру, в которой есть свои течения. В рецензируемой же статье Е. Г. Касанаян «местное население» понимается статично. Так, например, резной орнамент на плечиках сосуда II — первой половины III в. н. э. (стр. 399, рис. 13) рассматривается как «возрождение геометрического орнамента» VI в. до н. э. (здесь явная опечатка: вместо VI в. до н. э. напечатано IV в. до н. э. — стр. 396). Между тем сосуды с резным орнаментом первых веков нашей эры имеют гораздо более близкие аналогии в сарматской керамике¹. Автор как бы не принимает во внимание историческое расселение племен, поэтому он и при описании лощеной инкрустированной керамики (стр. 404) ищет далекие аналогии в Киевщине, Херсонщине, Приднью (стр. 393) и не обращает внимания на близкое ее сходство с керамикой кизил-кобинского типа, характерной именно для Крыма. Автор не рассматривает лощение сосудов как один из способов орнаментации, а упоминает его лишь при описании одного сосуда III—IV вв. н. э. (стр. 400, рис. 18,2), тогда как на Боспоре оно встречается часто, причем лощеные сосуды бывают черного, серого и красного цветов. Различная окраска сосудов не есть результат случайностей обжига: преобладание лощеных сосудов определенного цвета характерно для различных пунктов и времени. В статье имеются редакционные погрешности: так, неясно, что должно обозначать «там же» в примечании 4 к стр. 396; на рис. 15,1 (стр. 400) изображен, по-видимому, ногтевой орнамент в виде дужек, в тексте же на стр. 397 написано, что это треугольники.

В статье А. П. Ивановой «Художественные изделия из дерева и кости» собраны образцы деревянных изделий, найденных главным образом на Боспоре, причем наиболее полно представлены деревянные саркофаги и их детали. Надо отметить, что в этой работе особенно сказалась тенденция связывать с местным стилем в искусстве наиболее примитивно исполненные вещи и противопоставлять местное искусство греческим традициям. Так, например, при характеристике резных украшений саркофага А. П. Иванова не принимает во внимание уровень художественного мастерства резчика-ремесленника. Все анатомические неправомерности изображения, которые могли быть результатом неумения мастера, автор относит на счет особенностей стиля (стр. 420) и даже асимметричность лица («рот посажен криво, глаза не одинаковы, причем левый расположен несколько ниже правого») называет «реалистической направленностью» и «стремлением резчика передать живую действительность» (стр. 420—422).

Вторая, меньшая по объему, часть статьи посвящена характеристике находок художественных изделий из кости. К сожалению, автор учитывает лишь незначительную часть всех найденных поделок из кости и совсем не касается вопросов техники производства, ограничиваясь только описанием предметов и характеристикой стиля изображения.

¹ К. Ф. Смирнов, Сарматские погребения Южного Приуралья, КСИИМК, вып. XXII (1948), стр. 82 сл.

Сборник заканчивается очень небольшим, но интересным этюдом М. М. Максимовой «Резные камни».

Как указано в предисловии к рецензируемому сборнику, его публикация была задумана еще до Великой Отечественной войны, и, по-видимому, основная часть статей была тогда же и написана. Опубликован же сборник лишь в 1955 г., и этот длительный срок хранения статей не мог не сказаться на характере публикуемого материала. Многие памятники, открытые и опубликованные в течение последних лет, оказались не затронутыми авторами статей, пользовавшимися главным образом старой литературой. Многие работы, опубликованные еще в 1949—1953 гг., например, статьи В. Д. Блаватского, И. Б. Зеест, И. Т. Кругликовой, Д. Б. Шелова и другие, оказались вне поля зрения авторов.

Надо также отметить значительное количество опечаток, иногда искажающих смысл текста (кроме указанных в списке опечаток, еще на стр. 135, 286, 396 и др.), частые повторения одних и тех же положений в различных статьях, неоднородность сборника (наряду с популярными статьями имеются специальные, наряду со статьями, являющимися систематизацией материала, имеются оригинальные статьи). Почти для всех статей характерна слабая разработанность материалов, относящихся к I—III вв. н. э., тогда как предшествующие периоды освещены более полно.

Несмотря на значительное количество недостатков и недоработок, рецензируемый сборник является интересной и заслуживающей внимания книгой. Большое количество иллюстраций и систематизация обширного материала делают его ценным пособием для студентов-археологов, молодых научных работников и всех интересующихся историей и культурой Северного Причерноморья.

И. Т. Кругликова

«История римской литературы» Под редакцией проф. Н. Ф. Деретани, М., издательство МГУ, 1954, 543 стр., тираж 5000 экз., цена 7 р. 45 к.

Рецензируемый учебник, несомненно, является дальнейшим шагом вперед в деле марксистской разработки истории римской литературы. Ряд важных вопросов литературного творчества в древнем Риме разработан в учебнике более глубоко и теоретически верно, чем в некоторых прежних наших пособиях по истории античной литературы. Многие учебники часто трактовали римскую литературу только как подражающую греческим образцам, поэтому как литературу второсортную. Авторы рецензируемой книги занимают в данном вопросе более правильные в методологическом отношении позиции. Они подчеркивают творческое освоение римским обществом греческой культуры, указывают, что римские писатели использовали те жанры греческой литературы, в которых лучше всего можно было отразить жизнь Рима, развивали проблемы, поставленные уже ранее греческими писателями, но которые были актуальны и для римского общества. Этот процесс авторами учебника хорошо раскрыт в главах, анализирующих творчество Плавта, Катулла, Вергилия и Горация.

К достоинствам учебника надо отнести освещение роли народа в истории культуры. Авторы уделяют особое внимание анализу творчества прогрессивных поэтов, тесно связанных с плебейскими массами Рима: Невия, Плавта, Лукреция, Ювенала, подробно анализируют фольклорные жанры, мимы и ателланы.

Заслуживает всякого одобрения и стремление авторов учебника раскрыть процесс литературной борьбы в Риме и показать его как отражение в конечном счете борьбы социально-политической. Так, например, борьба неотериков во главе с Катуллом за малые жанры, за принцип «чистого искусства» (стр. 201—204), борьба Тибулла и Проперция за утверждение жанра элегии в учебнике показана как выражение настроений тех римских кругов, которые пострадали от гражданской войны и не смогли найти свое место в складывающемся новом политическом строе.